

A movie poster for 'Tales from the Crypt'. The scene is set in a courtyard of an old, stone church with a prominent bell tower. Two monks, seen from behind, stand in the foreground wearing dark grey robes. The church's architecture is aged and weathered, with arched windows and a tiled roof. In the background, snow-capped mountains rise under a pale sky, framed by trees with vibrant autumn foliage in shades of orange and yellow. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Сергей (Вожак)

Тени под сводами

18+

Сергей (Вождь)

Тени под сводами

«Автор»

2026

(Вождь) С. П.

Тени под сводами / С. П. (Вождь) — «Автор», 2026

В стенах древнего монастыря исчезает не только свет — исчезают люди. Сначала послушник, потом мельник, затем мальчик Томаш: их имена стирают из списков, а следы заматают так тщательно, будто этих жизней никогда не было. Бывший стражник Адальберт и мельник Борек вскрывают страшную тайну: монастырь стоит на сделке с прошлым — его величие держится на умолчаниях и крови. Брат Иларий годами «чистил» историю, веря, что спасает обитель от позора и гибели. Но когда кажется, что узел зла развязан, на столе появляется загадочный стержень с незнакомыми символами и записка: «Не все нити оборваны. Смотри глубже». Теперь героям предстоит не просто раскрыть преступление, а заглянуть в самую суть легенды, которая готова убивать снова. Мрачный, атмосферный триллер о том, как порядок становится оправданием для зла, а память — последним оружием против забвения.

© (Вождь) С. П., 2026

© Автор, 2026

Сергей (Вождь)

Тени под сводами

Глава 1. Пропавшая строчка

Адальберт не любил, когда нарушали порядок. В скриптории порядок был не прихотью, а необходимостью: пергамент стоил дорого, чернила готовили неделями, и любая ошибка могла обернуться месяцами напрасного труда. Поэтому, когда он вошёл в скрипторий на рассвете и увидел, что чернильница стоит не на своём месте — чуть левее, чем он её оставил, — внутри у него неприятно шевельнулось что-то похожее на тревогу.

Он не стал сразу поднимать шум. Сначала проверил свитки, потом полки, потом стол. И только когда добрался до незаконченного манускрипта, понял, что тревога не была напрасной.

На странице, которую он вчера переписывал до поздней вечерней молитвы, не хватало одной строчки. Не просто вымарана — её будто аккуратно срезали, оставив тонкую, неровную линию, как след от острого ножа. Адальберт провёл пальцем по этому краю и почувствовал, как по коже пробежал холодок: пергамент был чуть шершавее там, где его трогали не пером, а чем-то твёрдым.

Это не могло быть случайностью. Никто из послушников не посмел бы трогать чужой манускрипт. А старшие монахи знали: Адальберт всегда кладёт чернильницу строго справа, чтобы не пролить, когда пишет левой рукой.

«Кто-то приходил сюда после меня», — подумал он, и эта мысль была страшнее любого ночного шороха.

В тот же день исчез брат Лука.

Утром он стоял на службе, хмурился, как обычно, тёр уставшие глаза, а после трапезы его никто не видел. Адальберт спросил у брата Мартина, который делил с ним келью:

— Ты не знаешь, куда пошёл Лука?

Мартин на секунду замер, будто пытаясь поймать ускользающую мысль.

— Лука?.. — повторил он, нахмурившись. — А кто это?

Адальберт уставился на него.

— Брат Лука. Из скриптория. Ты же вчера с ним разговаривал у колодца.

Мартин покачал головой, и в его взгляде мелькнуло не притворство, а искреннее недоумение.

— Не помню такого. Может, ты с кем-то другим путаешь?

Холод, который Адальберт чувствовал утром у манускрипта, теперь сковал его целиком. Это не было забывчивостью от усталости. Мартин не просто забыл имя — он не помнил самого человека. Будто Лука никогда не существовал.

Адальберт вышел во двор, стараясь не бежать, чтобы не привлекать внимания. Он искал Томаша. Мальчик помогал в скриптории, бегал по поручениям, знал все ниши и углы монастыря, и, главное, у него была привычка всё замечать.

Томаш нашёлся у пекарни — прятался в тени стены, будто боялся, что его заметят. Когда Адальберт подошёл, мальчик вздрогнул, но тут же кивнул, словно ждал этого разговора.

— Ты видел, куда пошёл брат Лука после трапезы? — спросил Адальберт тихо, чтобы никто не подслушал.

Томаш вздрогнул и покосился на дверь трапезной, за которой ещё слышались голоса.

— Он пошёл к западной лестнице. Но... брат Адальберт, я не уверен, что это важно.

— Почему?

— Потому что я сегодня уже спрашивал о нём у брата Стефана. А тот посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и сказал, что никакого Луки в монастыре нет.

Адальберт сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Значит, не я один это вижу.

Томаш опустил глаза.

— Ещё сестра Магда говорила, что ей кажется, будто в списке послушников стало меньше имён. Но она испугалась, когда я спросил, сколько именно. Сказала, чтобы я не задавал таких вопросов.

Но как можно за одну ночь стиреть людей из памяти других. И начинается это со строчки на пергаменте.

— Спасибо, Томаш, — тихо сказал Адальберт. — Ты молодец, что заметил. Но теперь никому об этом не говори. Даже шёпотом.

Мальчик кивнул, но в его глазах читался не страх, а упрямое желание помочь.

— Если нужно что-то узнать... я могу сходить туда, где меня не заметят.

— Пока ничего. Сначала я должен понять, что происходит.

Но Адальберт уже знал, с чего начнёт. С манускрипта. С той самой срезанной строчки. И с того, кто мог её убрать.

Глава 2. След на воске

Адальберт не мог вернуться к работе над манускриптом, пока не поймёт, кто и зачем трогал его. Он не стал звать аббата или жаловаться старостам: если кто-то в монастыре намеренно стирает имена, жаловаться тем, кто ближе к власти, — значит, предупредить врага.

Вместо этого он пошёл туда, где хранили старые записи и образцы чернил. В маленькой кладовой у западного крыла, куда редко заглядывали, стояли полки с коробками, склянками и свитками, которые считали бесполезными. Но Адальберт знал: именно в «бесполезном» часто прячется самое важное.

Кладовая пахла пылью, старой кожей и уксусом — так пахли составы, которыми закрепляли или, наоборот, ослабляли чернила. Адальберт зажёл свечу и начал перебирать коробки. Его интересовали не тексты, а инструменты: ножи для обрезки пергамента, резцы, формы для штампов.

И он нашёл то, что искал. В жестяной коробке, спрятанной за связкой сухих трав, лежал маленький резец с изогнутым лезвием — именно таким можно было аккуратно срезать строчку, не повредив соседние строки. А рядом с ним — кусочек воска, на котором кто-то оставил отпечаток: неровный, тонкий, будто кто-то проверял, как ложится линия.

Адальберт замер, держа воск в пальцах. Воск хранили не для письма, а для печатей. Но этот отпечаток не был печатью. Он был пробным штрихом — будто кто-то тренировался делать ровные, незаметные срезы.

Дверь кладовой скрипнула. Адальберт резко обернулся, пряча находку за пазуху. На пороге стоял брат Казимир. Его массивная фигура заполнила дверной проём, а тяжёлый взгляд скользнул по полкам, по свече, по рукам Адальберта, которые ещё не успели опуститься.

— Что ты здесь делаешь? — голос Казимира звучал не как вопрос, а как обвинение.

— Ищу образцы старых чернил, — спокойно ответил Адальберт, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Хочу сравнить состав на новом манускрипте.

Казимир прищурился, будто пытался прочесть правду не в словах, а в тенях на лице.

— В это время ты должен быть в скриптории.

— Я скоро вернусь. Просто хотел сверить один оттенок.

Староста скриптории сделал шаг вперёд, и Адальберт невольно отступил, чувствуя, как за спиной упирается полка.

— Помни, брат, — тихо, но отчётливо произнёс Казимир. — Здесь не место для лишних вопросов. И для лишних поисков — тоже.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив дверь приоткрытой, будто напоминая: за тобой следят.

Когда шаги Казимира стихли, Адальберт выдохнул и снова достал воск. Теперь он был уверен: это не случайная находка. Кто-то специально хранил резец и тренировался на воске, чтобы делать срезы незаметными. И Казимир знал об этом. Или сам это делал.

Адальберт вернулся в скрипторий и сел за стол, стараясь выглядеть так, будто ничего не произошло. Но мысли крутились вокруг одного: если строчку срезали инструментом, значит, её хотели не просто скрыть, а уничтожить. А если люди забывают Луку, значит, стирание текста и стирание памяти связаны.

Томаш тихо скользнул в дверь и сел на табурет у полки.

— Ты что-то нашёл? — прошептал он.

Адальберт посмотрел на мальчика и понял: одному ему не справиться. Но втягивать ребёнка в опасность он не хотел.

— Да. Но это не то, что можно объяснить быстро.

— Тогда скажи, что делать.

Адальберт помолчал, взвешивая каждое слово.

— Есть одна вещь. В трапезной монахи иногда говорят о том, чего не должны знать послушники. Если ты будешь слушать, но так, чтобы тебя не заметили... может, услышишь, как упоминают Луку. Или как будто пытаются не упоминать.

Томаш кивнул, его лицо стало серьёзным, почти взрослым.

— Я умею быть тихим.

— Знаю. Но если почувствуешь, что кто-то смотрит на тебя слишком долго — уходи. Сразу.

Пока Томаш бесшумно выскользнул за дверь, Адальберт достал из-под рясы воск и резец. Он решил пойти к Бореку, мельнику. Борек знал монастырь как свой родной дом: где скрипит, где дует, где лучше не стоять, чтобы тебя не увидели. И, что важнее, он умел видеть следы там, где другие видели только пыль.

Мельница пахла мукой и деревом — тёплый, спокойный запах, который на миг прогнал ледяной холод скриптория. Борек стоял у жерновов, его руки были в мучной пыли, а лицо — спокойным, будто ничто в мире не могло его удивить.

— Адальберт, — кивнул он, не прекращая работать. — Ты выглядишь так, будто увидел призрака.

— Хуже. Я вижу, как исчезают живые.

Борек остановился, положил руку на жернов и посмотрел на монаха внимательно, без суеты.

— Рассказывай.

Адальберт выложил на стол воск и резец.

— Этим срезали строчку на манускрипте. А сегодня брат Лука пропал. И никто его не помнит.

Мельник взял резец, повертел в пальцах, потом поднёс к свету.

— Это не монастырский инструмент. У нас такие не используют. Слишком тонкий. Для тонкой работы.

— Для того, чтобы стирать имена.

Борек нахмурился, и в его взгляде не было страха — только холодная сосредоточенность человека, который привык разбираться с бедой, а не прятаться от неё.

— Значит, кто-то делает это намеренно. И делает так, чтобы никто не понял.

— Да. И я думаю, что Казимир знает больше, чем говорит.

Мельник кивнул, будто это не было для него новостью.

— Казимир ходит по монастырю, как хозяин. И если что-то исчезает, он всегда оказывается рядом.

— Мне нужны следы. Не слова. А то, что можно потрогать.

Борек посмотрел на воск, потом на Адальберта.

— Тогда идём туда, где следы не замечают. К старой прачечной. Там всегда сыро, и на полу остаются отпечатки даже от сухой обуви. Если кто-то ходил из кладовой к скрипторию ночью, там будет след.

Адальберт почувствовал, как внутри разгорается не страх, а решимость.

— Веди.

Они вышли из мельницы, стараясь держаться в тени, и пошли вдоль стены, мимо сараев, туда, где сырость оседала на камнях тяжёлыми каплями. Борек шёл впереди, уверенно, как человек, который знает каждый камень под ногами.

У прачечной он остановился и присел на корточки, разглядывая мокрый пол.

— Смотри, — тихо сказал он, указывая на едва заметный след: не просто отпечаток сапога, а чёткий контур, где подошва была стёрта с внутренней стороны.

— Такой след оставляет тот, кто много ходит по лестницам, — объяснил Борек. — Тяжесть тела смещается внутрь.

Адальберт наклонился и вдруг узнал этот след. Точно такой же отпечаток он видел на полу в скриптории — рядом со своим столом.

— Это Казимир, — прошептал он. — Я видел его сапоги. У них такая же стёртая подошва.

Борек выпрямился и посмотрел на него твёрдо.

— Теперь у тебя не догадка. У тебя улика.

Адальберт кивнул, сжимая в кулаке воск.

— И я знаю, что делать дальше. Нужно найти, где хранят эти резцы. И понять, зачем им стирать имена. Потому что если мы не остановим это сейчас, завтра забудут меня. А послезавтра — тебя.

Глава 3. Холод под половицей

Ночь опустилась на монастырь тяжелой ношей. Казалось, камни сами стали тяжелее, будто впитали в себя страх, который копился в стенах весь день. Адальберт не мог уснуть. Он лежал на жёсткой лавке, прислушиваясь к скрипу балок и к тому, как ветер пробирается в щели, и понимал: тишина больше не была безмятежной. Она сталастораживающей.

Он думал о следе у прачечной — о стёртой подошве, которая так точно совпадала с сапогами Казимира. Думал о резце, спрятанном в складках рясы. И о Луке, которого будто вычеркнули из памяти всех, кроме него и Томаша.

«Если мы не остановим это сейчас, завтра забудут меня». Слова, сказанные Бореку, теперь звучали в голове как приговор.

Адальберт поднялся, накинул рясу и тихо вышел в коридор. Он не собирался искать новых улик. Просто хотел пройтись по тем местам, где ещё недавно ходил Лука: у колодца, у западной лестницы, у двери в трапезную. Хотел почувствовать, где оборвалась его жизнь.

Коридор был пуст. Факелы на стенах горели тускло, их пламя едва шевелилось, будто не хватало воздуха. Адальберт остановился у ниши, где обычно стоял Лука, когда ждал, пока освободится стол в скриптории. Теперь здесь было пусто. И не просто пусто — это место будто стало «невидимым». Адальберт провёл рукой по камню, и пальцы наткнулись на крошечную зарубку — словно кто-то пытался соскоблить даже самую память о том, что здесь кто-то стоял.

Холод пробрался под рясу, осел на коже липким потом. Адальберт сжал кулаки и пошёл дальше.

У западной лестницы он замер. Здесь Томаш видел, как Лука свернул в тот последний раз. Лестница вела вниз, к старым кладовым и к подземным переходам, которыми пользовались только в случае пожара. Ступени здесь были покрыты слоем пыли, но на одной из них, прямо у поворота, Адальберт заметил тёмное пятно.

Он присел, поднёс факел ближе. Пятно было похоже на засохшую кровь. Тонкая струйка, которая стекла по камню и застыла, превратившись в тёмно-бурую корку.

Сердце Адальберта пропустило удар. Он коснулся пятна кончиком пальца — оно было твёрдым, ломким, как высохший воск. И пахло не железом, а сыростью и плесенью, будто кровь пролежала здесь не один день.

— Не трогай.

Голос прозвучал так тихо, что Адальберт сначала подумал, будто это ветер. Но когда он резко обернулся, в тени арки стоял Томаш. Мальчик прижимался к стене, его глаза были огромными, а лицо — белым, как мел.

— Ты не должен здесь быть, — прошептал Адальберт, хотя сам стоял там же.

— Я искал тебя, — дрожащим голосом ответил Томаш. — Бореk сказал, что ты ушёл. Я боялся, что... что с тобой случится то же, что и с Лукой.

Адальберт хотел сказать, что всё в порядке, но не смог. Вместо этого он кивнул на пятно.

— Видишь? Это не забытье. Это кровь. Кто-то сделал ему больно.

Томаш сглотнул, не сводя глаз с пятна.

— Значит, он не просто исчез. Его... убрали.

Слово прозвучало грубо, почти неприлично в стенах монастыря, но оно было честным. И от этого становилось ещё страшнее.

— Да, — тихо сказал Адальберт. — И теперь это не просто пропавшая строчка. Это убийство.

Они стояли, глядя на тёмную корку на камне, и тишина вокруг них становилась всё гуще, будто сама пыталась заглушить этот факт.

— Что будем делать? — прошептал Томаш.

— Сначала найдём Борека. Он знает эти переходы. Если Лука спустился сюда, там могут быть другие следы.

Они двинулись вниз по лестнице. С каждым шагом воздух становился тяжелее, пах сыростью, гнилым деревом и чем-то ещё — металлическим, резким. Ступени скрипели под ногами, и каждый скрип отдавался в груди, как удар.

Внизу коридор разветвлялся. Одна ветка вела к старым винным погребам, другая — к заброшенным кладовым, где когда-то хранили зерно. Бореk говорил, что эти кладовые давно не используют: пол там просел, а стены покрылись плесенью, которая разъедала даже камень.

Адальберт поднял факел выше. В свете пламени на полу виднелись ещё несколько тёмных пятен. Они шли цепочкой, как капли из прохудившегося ведра, и вели в сторону заброшенных кладовых.

Дверь в кладовую была приоткрыта. Петли скрипели, когда Адальберт толкнул её, и звук этот прозвучал в тишине, как крик.

Внутри было темно и холодно. Факел выхватил из мрака полки, покрытые толстым слоем пыли, и груду старых мешков в углу. А потом — ногу.

Она торчала из-за мешков, обутая в простой кожаный сапог. Тот самый, который Адальберт видел на Луке вчера утром.

Томаш тихо всхлипнул и отступил назад, прикрывая рот рукой. Адальберт сделал шаг вперёд, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Лука лежал на боку, подтянув колени к груди, будто пытался согреться. Его лицо было бледным, почти серым, а глаза — полуоткрытыми, как будто он до последнего пытался разглядеть, кто стоит перед ним. На шее виднелся тонкий, ровный порез — не глубокий, но достаточный, чтобы кровь медленно вытекала, оставляя те самые капли на ступенях.

Рядом с телом, на пыльном полу, лежал маленький обрывок пергамента. Адальберт наклонился, стараясь не смотреть на лицо Луки, и поднял его. На обрывке была выведена одна строчка — неровно, будто в спешке: «Они знают, что я видел...». Дальше текст обрывался, как и жизнь Луки.

Адальберт сжал пергамент в кулаке, чувствуя, как бумага врезается в кожу.

— Он пытался оставить нам сообщение, — прошептал он.

— Кому «нам»? — тихо спросил Томаш, всё ещё стоя в дверях.

— Себе. Нам. Всем, кто будет искать. Он знал, что его найдут. И хотел, чтобы мы поняли: это не случайность.

Из темноты коридора донёсся тихий звук — осторожный, размеренный шаг. Кто-то шёл сюда. Медленно, будто знал, что спешить некуда.

Адальберт резко погасил факел, и тьма накрыла их, как мокрое одеяло.

— Тихо, — прошептал он, притягивая Томаша к себе. — Ни звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.